

ЧЕЛОВЕК, ЕГО ЦЕНА И ЦЕННОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ КОММОДИФИКАЦИИ ТЕЛА В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Попова Ольга Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: J-9101980@yandex.ru

В статье исследован феномен коммодификации телесности в контексте современного этапа развития научного знания. Показано, что в эпоху развитых биотехнологий человеческое тело становится привлекательным ресурсом для экономических «инвестиций». Коммодификация тела как объекта научных исследований и предмета биотехнологических преобразований есть следствие развития и взаимодействия следующих факторов: научного видения мира, редуцирующего целостность человеческого существования к совокупности объективированных частей, права на распоряжение собственным телом как неотъемлемой черты либеральной экономики, возможности технологического конструирования биологической реальности и потребностью науки в расширении объема биоматериалов. Проведено исследование трех случаев (case study), на основе которых обсуждены антропологические основания коммодификации и дана связанная с ней классификация модусов отношений между индивидом, наукой и обществом. Среди данных модусов рассмотрены следующие: 1) противостояние индивида и науки; 2) альтруистический модус; 3) компенсаторный модус. Представлена общая этическая оценка процесса тенденции коммодификации биоматериалов.

Ключевые слова: коммодификация тела, патентование биоматериалов, этика науки, конструирование человека

HUMAN'S PRICE AND VALUE: THE PROBLEM OF BODY COMMODIFICATION IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Olga Popova – PhD in Philosophy, senior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: J-9101980@yandex.ru

Author analyzes the phenomenon of commoditization of human body in the context of the scientific development. It is argued that since the start of the development of biotechnologies human body has become a very attractive object for economic «investments» in the majority of developed countries. Author considers some anthropological foundations of the body commodification problem and some classifications of the relationships between individuals, science and society. The following dimensions of these relationships are examined in the paper: 1) an opposition of the individual and science; 2) an altruistic dimension; 3) a compensatory dimension. The “oppositional” dimension describes science as an institute that is not focused on the benefits of a certain person through the instrumentalization and commoditization of corporality but is aimed to find the solution to some common social problems. Within the second (altruistic) dimension the individual seeks to make a contribution to the development of science and has no objection against the use of his biomaterials. A shady side of the altruistic dimension is the so-called “false altruism”: a person is encouraged to donate

biomaterials without any information about some possible risks and dangers for his health as well as about commercial interest of the researchers. The compensatory dimension comes from the material or moral damage compensation to the individual or his relatives for the use of his/her body (cells, substances, body parts) for biotechnological purposes.

Keywords: commodification, human body, biomaterials, ethics of science, human design

Коммодификация тела (от англ. commodity — товар), его частей и субстанций – важнейший тренд последних десятилетий. За ним стоит экспансия рыночной экономики в сферы, которые прежде считались ограниченными для действия законов рынка [Бердышева, 2012]. Ограниченными не только правовыми нормами, но прежде всего нормами морали, общественной чувствительностью, культурно-мировоззренческими стереотипами и т.д. Ограниченными, кроме всего прочего, картиной мира, в которой тело человека и полученные из него биоматериалы до определенного этапа развития науки и техники (в частности, до появления представлений о ликвидности знания) не рассматривались как товар и не могли использоваться с целью получения прибыли.

Коммерциализация науки, ставшая в эпоху «рейгономики» в США, а затем и других странах государственной политикой, постепенно преодолевает эти традиционные ограничения [Rabinov, 1996, p. 19]. Среди наиболее распространенных современных тенденций коммодификации телесности можно упомянуть продажу биообразцов для биобанков, патентование генов, развитие нелегальных рынков человеческих органов и тканей человека (речь идет не только об их незаконной трансплантации, но и исследованиях на них), продажу жидкостей тела (крови, грудного молока), оплачиваемое участие в клинических испытаниях лекарственных препаратов.

Еще в 1992 г. набравшее силу распространение тенденции коммодификации человеческого тела побудило американского писателя и журналиста Джима Хогшира провести исследование о коммерческой стоимости телесных «активов», таких как кровь, моча, молоко, яйца, сперма и др., и написать руководство о том, как продать себя науке. Хогшир, подсчитав возможную прибыль от «продажи» тела, указал, что, выступая в качестве подопытного кролика, субъект может рассчитывать на заработок в \$ 100 в день, а также проживание и питание [Hogshire, 1992]. Провокационные заявления Хогшира заставили мировое научное сообщество и общественность задуматься об этических аспектах распоряжения телом как собственностью.

Коммодификация тела для целей врачевания и научных исследований постепенно становится распространенным явлением во многих странах мира. Предприимчивые граждане зарабатывают на том, что естественным образом сформировано в них самих (их телах). Их нередко развивающаяся вне законодательных рамок коммерческая дея-

тельность формирует теневой сектор экономики с характерным для него сокрытием доходов и отсутствием налогообложения, что вызывает в последние десятилетия пристальное внимание государственной власти и увеличивает частоту исков за неуплату налогов [Goodwin, 2006; Goodwin, 2013].

В эпоху развитых биотехнологий человеческое тело становится очень привлекательным объектом для экономических «инвестиций» в большинстве развитых стран мира. Российские граждане также постепенно становятся участниками судебных процессов, отстаивая свои права на использование тех или иных биологических материалов, источником которых являются их собственные тела, повторяя тем самым путь Европы и США. Эта тенденция будет, скорее всего, развиваться ускоренными темпами, в частности, в связи с тем, что в России запущен процесс развития биобанкинга. Первый российский биобанк и биосервис «Национальный БиоСервис» был создан в августе 2014 г. Цель его создания состояла в обеспечении российских ученых и врачей биологическими образцами. В ближайшем будущем планируется создание универсального национального биобанка на базе МГУ им. М.В. Ломоносова. Деятельность современных биобанков (и российские здесь, скорее всего, не будут исключением) основана на реализации интродуцированной экономической составляющей – извлечении прибыли из такого специфического коммерческого актива, как биоматериалы [Смирнова, 2013]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что экономический подход к развитию биобанкинга не должен игнорировать нормативный. Этические и правовые нормы цивилизованного развития биобанков требуют транспарентности в вопросах о происхождении того или иного биообразца, получения информированного согласия на использование биоматериалов и т. д. Неотъемлемой составляющей регулирования процессов манипуляции биологическими материалами и их коммодификации является осмысление мировоззренческих оснований этих процессов, позволяющее понять, какие блага могут быть объектами коммодификации, и создать адаптационные механизмы для ее цивилизованного развития или запрета в отношении тех или иных аспектов жизни.

Эпистемологический статус телесности и антропологические основания коммодификации

Развитие современных тенденций коммодификации человеческого тела опирается на ряд мировоззренческих предпосылок, спектр представлений и коннотаций, обусловленных развитием корпуса знания о человеке и его теле.

Долгое время оно (знание) строилось с учетом исходной неравновесности физического (телесного) и духовного (душевного) полюсов. Отсутствие возможности четкой констатации и фиксации душевного (как вечного, нетленного) и телесного (как уязвимого, подверженного порче) на онтологическом уровне тем не менее не мешало активному развитию своего рода методологической установки разбиения человека на душу и тело на уровне жизненных практик и теоретической рефлексии. Этот бинаризм также стал исходной предпосылкой средневекового религиозного мировоззрения и связанной с ним моралью. Этика в рамках развитых религиозных схем мышления интересуется не столько феноменом телесности самим по себе, сколько рассматривает его в аспекте отношения к вечности, к спасению, постулируя отсутствие детерминации морали со стороны эмпирии тела. В то же время тело фигурирует то как пассивный материал, инструмент для действия человеческого духа, то как неотъемлемая характеристика человеческого существования, без которой невозможно представить полноту человеческого бытия, преобразование и воскресение человека.

В Новое время инструментальное отношение к человеческому телу приобретает внесакральный характер. Основные черты телесного «канона», выявляемые в эпоху Нового времени, с одной стороны, указывают на тело как отторгаемый, презираемый материальный объект, который обретает свою значимость лишь в связи с ответственной целеполагающей деятельностью разума, с другой, придают ему ценность, рассматривая его как неотъемлемую составляющую человеческого достоинства.

В рамках новоевропейской либеральной парадигмы достоинство человека предполагает обладание некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности. Первичной и наиболее фундаментальной человеческой собственностью выступает человеческое тело, в социальном плане выражающее себя в «труде» и в результатах этого труда – товаре.

Новоевропейский, осознающий собственное достоинство, человек в отличие от человека с патриархальным сознанием (не допускавшим осознания тела как индивидуальной ценности) обладает неотъемлемыми правами на жизнь, собственность и, что принципиально, правом на распоряжение собственным телом, являющимся источником трудовой деятельности. Человек начинает рассматривать себя в качестве экономического субъекта, и осознание тела в качестве индивидуальной ценности, собственности, – неотъемлемая часть этой новой идентичности.

Субъект, проецируя себя в деятельности, осознает свою автономию через орудийный аспект этой деятельности – свое собственное тело.

Развитие инструментального отношения к своему телу является собой одновременно и акт освоения (и присвоения) субъектом своей телесности, и акт «освоения» тела в различного рода социальных практиках. Особым модусом этого освоения является приписывание телу характеристик деперсонифицированного товара.

Осуществившаяся в Новое время либерализация отношения к своему собственному телу как к инструменту, объекту манипуляций, собственности заложила антропологические основания современных процессов коммодификации человеческого тела и во многом предопределила современное отношение к научному знанию (в частности, в области биоматериалов) как к товару, который можно запатентовать и впоследствии продать.

Современный субъект не только реализует себя в деятельности, приводящей к производству товаров, а воспроизводит, в определенном смысле «клонировать», части своего тела (свои клетки, свои субстанции) и продает себя как товар. Его труд может сводиться к поддержанию собственного здоровья, результаты этого труда – это то естественное (биоматериалы), что принадлежит субъекту как телесному существу каждое мгновение, но в то же время и то, что благодаря особой воле субъекта и его *деятельному* отношению к собственному телу как к инструменту заработка становится биотехнологическим артефактом, продаваемым на рынке биотехнологий товаром.

Последовательный либерализм, рассматривающий тело как индивидуальную ценность и отстаивающий право свободного распоряжения им, предоставляет человеку возможность инструментализировать и коммодифицировать его разными способами, придавая ему товарную цену, но одновременно дисконтируя в качестве моральной ценности. Современный этап развития научного знания во многом способствует углублению противоречия между ценой и ценностью человеческого тела. Свободный обмен результатами исследований становится вторичным по отношению к частным интересам. Ученый, находясь в ожидании прибыли от внедрения инноваций, может быть не заинтересован в следовании нормам традиционной морали и ригористическим требованиям этики науки и зачастую обходит их, отдавая предпочтение законам рынка. Именно по этой причине периодически возникают скандалы, связанные с поиском источников тех или иных биоматериалов, органов и тканей человека.

Процесс коммодификации органично вписывается в общекультурный проект конструирования человека и его биотехнологического улучшения [Юдин, 2004, с. 261–81]. Естественная данность человеческого тела и полученных из него биоматериалов превращается в артефакты, биологические образцы, продукты знания и технологий, в вещи, которые можно продать и распространить на рынке. Современная наука интенционально превращает человеческую телесность в ар-

тефакт, конструирует из естественного – технологическое. В технологической перспективе человеческая природа становится лабильной: ее презентуют, модифицируют, очищают, улучшают в различных вариациях, репрезентируя биологические субстанции и части человеческого тела – то как объект исследования, то как патент, то как высоколиквидный товар.

Согласно идеям Х. Новотны и Дж. Теста: «Есть вещи, которые человек дарит, другие – продает, а есть вещи, которые нельзя ни продать, ни подарить, но лишь сохранить, чтобы передать в дар. Это одна из причин, по которой, согласно французскому антропологу М. Godelier, в рыночно ориентированных сообществах необходимо спросить, какая из вещей (или какое из социальных отношений) должны оставаться вне рынка. Это понятные идеи и принципы. Но сейчас на рынок устремляются другие “вещи”. Необходимы законы для установления должного места в обществе для эмбрионов, химер и других гибридных сущностей, генов и геномных последовательностей, а также процессов, в которых эти “вещи” преобразуются или заново создаются и производятся. Биологические сущности должны быть трансформированы в юридические, одомашненные сущности, на которые признается или отказывается в праве собственности. Необходима регуляция социальных отношений, которые ранее не существовали» [Nowotny, Testa, 2010, p. 68].

Следует также подчеркнуть, что процессы коммодификации затрагивают не только само человеческое тело, но и его виртуальные аналоги. К примеру, современные научные исследования оказываются невозможными без баз данных. Биобанки, аккумулирующие огромное количество образцов биологического материала, все еще имеют дело с частями и фрагментами человеческого тела. За каждым из них стоит донор (слюны, крови и т. д.), от которого отторгается частичка его материи. В то же время информационные базы данных, даже если они расположены при существующих биобанках, имеют дело не с телесностью как таковой, но с ее информационной репрезентацией. Тело, таким образом, виртуализируется. Создание цифровых баз данных стало неотъемлемой частью и одной из главных целей проведения исследований для геномики, биоинформатики, телемедицины и других областей знания. Базы данных тесно связаны между собой и образуют сеть цифровых репрезентаций человеческих тел, которые напрочь лишены качеств живого, чувствующего индивида. Однако именно сконструированные технологиями информационные профили, по-видимому, окажутся особенно востребованы и рентабельны в ближайшем будущем в связи с развитием персонализированной медицины.

Если суммировать перечисленные выше антропологические предпосылки коммодификации человеческого тела, то можно сделать вывод о том, что коммодификация тела есть следствие развития

и взаимодействия следующих факторов: права на распоряжение собственным телом как неотъемлемой черты либеральной экономики, возможности технологического конструирования биологической реальности и потребностью науки в расширении объема биоматериалов. Данные факторы породили множество прецедентов, демонстрирующих различные формы нормативного кризиса в процессе развития коммодификации.

Однако традиционное самопонимание человека как телесно воплощенной личности продолжает оказывать серьезное влияние и на научное сообщество, и на общество в целом. В результате возникает порождающее социальные конфликты напряжение между двумя полюсами самоидентификации современного человека: быть телом (воплощенной личностью) и обладать телом как предметом. Тело, выражаясь языком Б. Латура, становится «объектом», т. е. «возражающим» актором, зачинщиком конфликтов, в процессе разрешения которых происходит коэволюционное преобразование социальных структур и статуса тела как предмета научного исследования.

Ниже мной будет проведено философское исследование (case study) трех конкретных случаев, связанных с коммерциализацией биоматериалов человеческой природы. В их последовательном представлении отслежены две дополняющие друг друга встречные тенденции. Во-первых, происходит пошаговая легитимизация и легализация тела и его частей в качестве товаров. Во-вторых, в тех же правовых и этических дебатах происходит своеобразное «возвращение» человеку его отчужденного тела, которое выражается в установлении процедур, призванных обеспечить защиту его личностной воплощенности. Как отмечает Х. Новотны: «Биология с ее редукционистским подходом, разрывает отношение между целым и частями, но закон должен их реставрировать» [Nowotny, Testa, 2010, p. 68]. Сопряжение этих, казалось бы, исключających друг друга тенденций оказывается возможным благодаря установлению (социальному конструированию) границы между телом как «фактом» и телом как «артефактом».

Отчетливой разглядеть конфликты, порождаемые телом как «объектом» в оптике коммодификации, позволит классификация модусов отношений между индивидом, наукой и обществом. Данная классификация строится на нескольких модусах: 1) противостояния индивида и науки; 2) альтруистическом модусе; 3) компенсаторном модусе. Вкратце попытаюсь дать оценку данным модусам.

Первый модус характеризует науку как институт, не интересующийся благом отдельного индивида в процессе инструментализации и коммодификации его телесности, но направленный на решение общих проблем, как правило, в сфере здравоохранения и увеличение прибыли крупных биотехнологических корпораций.

В рамках второго (альтруистического) модуса отношений сам индивид стремится внести вклад в науку, не возражая против использования биоматериалов, полученных из его тела. Теневой стороной альтруистического модуса является ложный альтруизм, когда индивида, к примеру, могут поощрять к донорству биоматериалов, не акцентируя внимание на возможных рисках этой процедуры или скрывая от него часть информации, касающейся возможных последствий для его здоровья, а также – коммерческий интерес исследователей.

Компенсаторный модус связан с попытками возмещения индивиду или его родственникам материального или морального ущерба за использование его телесности (клеток, субстанций, органов) в биотехнологических целях.

Начну с казуса, в котором наглядно проявляет себя первый модус отношений между пациентом (донором биоматериалов), наукой и обществом. Отчуждение от человека и коммерческая эксплуатация биоматериалов происходит здесь вне всякой озабоченности телесной воплощенностью. Врач воспринимает изъятые им у пациента клетки как бесхозные предметы.

Казус Генриетты Лакс¹. Бесправные пациенты и бесхозные части тела. Чернокожая пациентка Генриетта Лакс (*Henrietta Lacks*) страдала тяжелой формой рака шейки матки и впоследствии умерла от этого заболевания в возрасте 31 года. Врач Дж. Гейем, выделив из ее опухоли в 1951 году раковые клетки, смог получить первую «бессмертную» культивируемую в лабораторных условиях линию клеток. Эта линия клеток была названа **HeLa по инициалам пациентки**. Линия HeLa как удобный объект для научных исследований быстро превратилась в высокоприбыльный товар. Она очень широко использовалась и используется в биологии и медицине. Достаточно упомянуть исследования, приведшие к созданию эффективной вакцины против полиомиелита, разработку технологий экстракорпорального оплодотворения (*in vitro*), **клонирование овцы Долли, создание технологий выделения стволовых клеток, обеспечение широкого спектра исследований в области онкологии и вирусологии**. Можно сказать, что изъятая из тела Генриетты Лакс клетка, превратившись в товар, принесла значительную пользу человечеству и многомиллионные прибыли культивирующим HeLa биотехнологическим компаниям. Однако ни сама пациентка, ни ее родственники, жившие на грани нищеты, никакой прибыли от этого не получили. Более того, многие годы они не были об этом даже информированы и узнали чисто случайно [Склут, 2012].

Казус Генриетты Лакс достаточно характерен для медицины и медицинской науки 50-х годов. Вопрос о праве пациента контролировать, что делает врач с его телом, еще не звучит в общественном

¹ Изложение казуса дается с использованием материалов книги: [Склут, 2012].

сознании. Господствовал врачебный патернализм и представление о теле как объекте научного познания, из которого априорно исключены все ценностные характеристики. Потеряв личностную ценность, изъятая из тела Генриетты клетка приобретает рыночную цену благодаря приложенному труду Гейема, создавшему условия для ее неограниченного культивирования (клонирования). Важно подчеркнуть, что эта практика осуществляется в соответствии с общими правовыми нормами ведения коммерческой деятельности, предполагает по умолчанию, что отчужденная и преобразованная часть тела одного является собственностью, товаром, принадлежащим другому человеку (ученому). При этом интерес ученого как собственника отождествляется с общим благом.

Использование клеток HeLa в научных целях осуществлялось без согласия родственников Генриетты Лакс. Долгое время они ничего не знали о ценнейшем биологическом вкладе своей матери и бабушки в историю науки. Биотехнологические компании получали многомиллионную прибыль от использования этих клеток, в то время как ее пятеро детей прозябали в нищете и не имели возможности обеспечить себе даже медицинское страхование.

Когда информация о происхождении клеток все же раскрылось, дети Генриетты Лакс пытались добиться материальной компенсации за использование клеток их матери в связи с отсутствием информированного согласия донора на использование биоматериалов, однако их иски так и не были удовлетворены, поскольку главных ответчиков уже не было в живых и, кроме всего прочего, процедуры получения информированного согласия, как и в случае с Дж. Муром (он будет описан ниже), не были разработаны в годы, когда Генриетта Лакс еще была жива.

Однако история претензий родственников Генриетты Лакс к ученым на этом не закончилось и обрела продолжение в наши дни. Дело касалось использования генетической информации, полученной благодаря исследованиям клеток HeLa. Сравнительно недавно ученые Европейской Молекулярной Биологической Лаборатории опубликовали геном линии клеток HeLa, сделав его доступным для скачивания в Интернете. Аналогичный случай касался исследования, проведенного в Университете Вашингтона для публикации в журнале *Nature*, по заказу Национального Института Здоровья. Согласие семьи Лакс в обоих случаях получено не было. Спустя какое-то время после протеста родственников Генриетты Лакс европейские исследователи отозвали свои публичные данные и публикация Университета Вашингтона также была запрещена. В конце концов, в результате переговоров между семьей Лакс и Национальным Институтом здоровья было достигнуто согласие: данные обоих исследований должны быть размещены в институтских базах данных о генотипах и фенотипах.

Исследователи, которые хотят использовать данные, обязаны подать заявку на предоставление доступа и подготовить годовой отчет о проведенном исследовании. В состав рабочей группы по доступу к данным о геноме HeLa вошли два члена семьи Лакс.

Семья Лакс так и не смогла получить материальную компенсацию за использование клеточной линии HeLa, когда возник конфликт интересов, связанный с расшифровкой генома. Ученые предложили как один из вариантов возможной компенсации «патентование генетического теста на выявление рака, основанного на использовании мутаций клеточной культуры HeLa» [результаты – <http://cbio.ru/page/47/id/5319/>]. Ученые также заверили семью Лакс, «что другие специалисты быстро не “сколотят состояние” на геноме их бабушки, поскольку Верховный Суд США принял постановление, согласно которому немодифицированные гены не могут быть запатентованы» [там же].

При секвенировании генома Генриетты Лакс возникала опасность раскрытия персональной идентичности ее потомков. Глубинное основание телесности, скрытое в геноме и составляющее часть личности Генриетты Лакс, потенциально могло быть использовано для манипуляции данными генома ее родственников, нежелательного раскрытия информации об их личности и использовании ее в коммерческих целях.

Написавшая книгу о Лакс Ребекка Склут тонко подметила возникающее психологическое напряжение, когда речь заходит об использовании биоматериалов, полученных из человеческого тела: «Ученые не крадут вашу руку или какие-либо другие жизненно важные органы. Они только используют частички тканей, с которыми Вы расстались добровольно. Но все же кто-то берет частицу Вас. А люди часто обладают сильным чувством собственности, когда дело касается их тел. Даже их малейших частичек. Особенно когда они слышат, что кто-то другой на них заработает. Или использует их, чтобы раскрыть потенциально опасную информацию об их генах и медицинских историях» [Skloot, 2006]. Частички тканей, клетки – это важнейший аспект физического воплощения личности, требующий обращения, соответствующего человеческому достоинству.

Если рассматривать казус клеток HeLa в качестве примера одного из векторов взаимодействия индивида с наукой, все же его нельзя будет маркировать исключительно как прецедент жесткого противостояния индивида и науки. Дело не только в том, что в момент получения клеток HeLa не существовало детализированных процедур информирования пациента и получения согласия на забор клеток и тканей, но еще и в том, что родственникам донора HeLa спустя годы все же удалось отчасти получить моральное удовлетворение, войдя в совет по доступу к данным о геноме клеток HeLa. Кроме того, уже упоминавшаяся исследовательница и журналист Ребекка Склут

создала Фонд Генриетты Лакс, оказывающий финансовую помощь многочисленным членам семьи Лакс и другим людям с аналогичными проблемами, в частности людям, без информированного согласия вовлеченным в научные исследования и пострадавшим от них. В этом смысле, хоть и запоздало, отношения между пациентом, обществом и наукой приобрели черты компенсационного модуся.

Следующие казусы происходят уже в иной исторической ситуации. Патернализм врачей поставлен под сомнение. Тело постепенно начинает рассматриваться не просто как объект научных и медицинских манипуляций, но и как воплощение определенной личности его хозяина. Вместе с тем, как дополнение к этому антропологическому преобразованию, тело и его части постепенно проходят легитимацию в общественных обсуждениях и легализацию через решения судов в качестве товаров коммерческой деятельности.

Казус Джона Мура². Наука против индивида и запоздалый компенсаторный модус. В 1976 году Дж. Муру (John Moore) в связи с заболеванием рекомендуют удалить селезенку. Дж. Мур подписал письменное согласие на это, и хирурги ее удалили. Вслед за этим доктор Дэвид Голд (David W. Golde) и его ассистенты извлекают ткани из удаленной селезенки, признав ее значение для исследований по разработке возможных методов лечения рака. В течение 3 лет они создают линию клеток, извлеченных из Т-лимфоцитов Мура. В 1984 году Д. Голду был предоставлен патент США на клеточную линию, с которой он начинает получать огромные доходы благодаря коммерческим соглашениям с двумя биотехнологическими фирмами. Случайно узнав о патенте, Дж. Мур подает в суд, претендуя на право собственности на патент, а также финансовую компенсацию от доктора Голда за нарушение своих профессиональных обязанностей. При рассмотрении Верховный суд Калифорнии отклонил иск Дж. Мура относительно права собственности на патент, заявив, что Дж. Мур не был одним из изобретателей. Также он пришел к выводу, что пациент не мог считать своей собственностью выброшенные ткани тела. Здесь суд апеллировал к тому, что как только ткани тела покидают тело человека, они перестают быть его собственностью. После нескольких судебных процессов Верховный Суд Калифорнии признал, что д-р Голд должен был раскрыть свой финансовый интерес в отношении тканей Дж. Мура. Суд также признал отсутствие должного регулирования в отношении информированного согласия и собственности и призвал законодателей исправить проблему. Но это не изменило решения суда. Суд заявил, что решение в пользу Дж. Мура может уничтожить экономический стимул для проведения важных медицинских исследований. Судей обеспокоило, что предоставление пациентам права собственности могло бы «помешать

² Казус представлен по материалам: [Skloot, 2006; Moore, 1990].

исследованиям, ограничив доступ к необходимому сырью» и создало правовое поле, где «с каждым образцом клетки исследователь покупал бы билет для участия в судебных процессах» [Moore, 1990]. Дж. Мур подал иск в Верховный Суд США, но он был отклонен.

После нескольких рассмотрений иска в судах различного уровня и юрисдикции Верховный Суд США постановил, что Дж. Мур не может считаться изобретателем и не имеет прав на патент Дэвида Голда. Ткани, извлеченные из тела человека, не могут считаться его собственностью. Признание прав Мура могло бы ограничить доступность полезных для всего общества ресурсов и создать прецедент для возможности судебных исков против ученых. Одновременно было отмечено, что Д. Голд должен был раскрыть Муру свой финансовый интерес в отношении последующего коммерческого использования его тканей и получить для этого информированное согласие. Была также отмечена необходимость разработки законодательства, обеспечивающего права собственности в этой области и защищающего право потенциальных доноров биоматериалов в отношении возможностей контролировать судьбу предоставленных ими частей своего тела.

В эпистемологическом отношении казус Дж. Мура проблематизировал проблему артефакта, патентное право исключало возможность патентования природных объектов, однако данный прецедент поставил ученых перед проблемой поиска прозрачных и убедительных критериев демаркации искусственного и естественного.

Так же как и в казусе Г. Лакс, модус отношений между Дж. Муром в этико-социальном плане представил современную науку как институт, не интересующийся благом отдельного индивида (на это указывают инструментализация и коммодификация его телесности). Социальная миссия науки направлена на решение глобальных проблем в ущерб интересам отдельно взятого индивида. Ее реализация связывается со стимулирующей тенденцией коммерциализации научно-исследовательской деятельности.

Воспользуюсь мнением П.Д. Тищенко, отметившим в статье, посвященной коммерциализации фундаментальной науки, что с конца 70-х в сфере молекулярно-генетических исследований «разворачивается многоплановая, болезненная для сторонников классических научных ценностей переструктуризация форм производства фундаментальных научных знаний» [Тищенко, 2014]. Этот процесс особенно отчетливо проявился в отношении патентования генов. В 1992 г. в связи с принципиальным несогласием с практикой патентования генов и других биологических объектов Джеймс Уотсон покидает пост руководителя проекта «Геном человека».

Современная, ориентированная на коммерциализацию, наука использует в своей деятельности различные социальные технологии. Немаловажную роль среди них играет патентование как экономиче-

ский стимул для деятельности ученого, который больше не хочет играть в «чистую» науку. Современная наука, используя личный эгоистический, экономически выраженный интерес ученого, стремится к достижению общественного блага. И, возвращаясь к делу Дж. Мура, обращу внимание на то, что именно этот лейтмотив прозвучал в обосновании судебного решения: решение в пользу Дж. Мура может «уничтожить экономический стимул для проведения важных медицинских исследований» [Moore, 1990].

Вместе с тем казус Мура, несмотря на сходство, имеет существенное отличие от казуса Лакс. Перед нами уже не просто бесправный донор биоматериалов, а субъект, отстаивающий свои права в суде. И если претензия имущественные права Мура не удовлетворена, то указано на нарушение его прав на распоряжение своим телом и его частями. Поэтому нельзя обойти вниманием противоречивый контекст развития современной науки с характерной для него антагонистичностью различных социальных технологий. Развившемуся тренду патентования биологических объектов противостоят выработанные технологии защиты прав индивида перед машиной коммерциализированного научно-знания, которые были недоступны во времена «чистой науки».

Так, развитие биомедицинских технологий уже более 40 лет сопровождается созданием своеобразной идейной «надстройки» – биоэтики – комплекса взглядов, ценностей, целей, отражающих рефлексию над социальными аспектами развития биотехнологий, их антропологическими рисками, задающего теоретические основания для защиты прав индивида. Но и тут в практической своей реализации защита прав индивида нередко также пронизана всеми оттенками товарно-денежных отношений. Коммерциализация выступает глобальным трендом, размещающим в одной этической плоскости и оппонентов, и пропонентов различных социальных процессов и технологий.

Прецедент Дж. Мура оказался решающим для построения американской стратегии этического реагирования и формирования четкой законодательной политики в области биотехнологических исследований с использованием человеческих биоматериалов. В 1995 г. был создан Национальный консультативный Совет по биоэтике с целью дать рекомендации по регулированию в данной сфере. Кроме того, изменились формы получения информированного согласия у пациентов: некоторые больницы стали включать в листы информированного согласия пункты о том, что ткани пациентов могут быть использованы в научных исследованиях. Случай Мура позволил, таким образом, выстроить систему защиты ученых (ученых как экономических субъектов) от посягательств отдельного индивида и обозначить общественные технократические и экономические приоритеты, но в равной степени дал возможность индивиду отойти от идентификации себя с неспособным возражать чистым объектом науки.

Ребекка Склот, опираясь на интервью с директором Института Науки, Права и Технологии в Иллинойсовском Институте Технологии, экспертом в области защиты прав на ткани и генетическую информацию Лоури Эндрюзом (Logi Andrews), обращает внимание на оборотную сторону коммерциализации науки, придающую решению в деле Мура оттенок преступления перед обществом, лишаящего его членов права на защиту их естественно данной собственности, с одной стороны, и тормозящего развитие науки, с другой. «Это смешно, – говорит он, – ...беспокойство суда Мура проявлялось в том, что, если вы предоставили лицу права собственности на его ткани, это замедлит исследования, потому что люди могут удерживать доступ к ним из-за денег. Регулирование... лишь вывело пациентов за скобки и ободрило ученых коммерциализировать ткани в возрастающем объеме» [Skloot, 2006].

Другой пример, демонстрирующий возможность компромисса между наукой и правами индивида, представляет случай Т. Славина.

Казус Теда Славина³. Индивид за науку. Т. Славин длительный период страдал гемофилией. В процессе лечения ему переливали донорскую кровь, и он заразился гепатитом В. В крови Славина было обнаружена высокая концентрация ценных для ученых антител к гепатиту В. Они могли бы помочь в создании первой вакцины против этой формы гепатита. Т. Славин осознает ценность своей крови и задумывается о продаже антител, начинает их активно предлагать фармацевтическим компаниям. Он это делает не столько из-за желания получить большую прибыль, сколько для того, чтобы обеспечить себе хоть какой-то прожиточный минимум. Вследствие заболевания он стал инвалидом, потерял рабочее место. Славин начинает продавать свою сыворотку крови, однако не останавливается на этом. Он связался с Барухом Блумбергом, исследователем в Центре рака Фокс Чейз, получившим Нобелевскую премию за открытие антигенов гепатита, создателем теста крови, по которому было диагностировано заболевание Славина. Т. Славин предложил Б. Блумбергу безвозмездно использовать свои антитела, чтобы разработать лекарство для гепатита В. В результате Б. Блумберг создал первую вакцину от гепатита В, спасшую миллионы жизней. Сам же Т. Славин в определенный момент осознал, что существуют и другие носители такой же ценной крови. Он начинает с ними сотрудничать и в итоге создает компанию **Essential Biologicals**, которая специализируется на производстве биоматериалов для исследовательских целей.

В историю биомедицины Т. Славин вошел за счет своей «гибридной» стратегии установления отношений между индивидом (донором), наукой и обществом. Во-первых, он сам превратил клетки своего тела (безусловно, с помощью врачей) в товар и даже осно-

³ Казус представлен по материалам: [Skloot, 2006].

вал прибыльную биотехнологическую компанию. Масштаб и значение этого модуса был оценен лишь многие годы спустя. Во-вторых, он совершил альтруистический поступок, превратив часть своего тела в дар науке. Его жест пожертвования антител олицетворяет альтруистический модус отношений между наукой и индивидом, в рамках которого сам индивид стремится внести вклад в науку, не возражая против использования биоматериалов, полученных из его тела, а наука, в свою очередь, преумножает этот вклад в устремленности к общему благу.

Уже упоминавшаяся исследовательница Ребекка Склут взяла интервью у Б. Блумберга, где попросила его выразить личное отношение к коммерциализации науки. После долгих колебаний он выразился следующим образом: «То, как вы думаете о коммерциализации медицинских исследований – положительно или отрицательно, – зависит от того, как вы относитесь к капитализму... В целом Б. Блумберг отметил, что коммерциализация – это хорошая вещь – как иначе нам получить лекарства и диагностические тесты, в которых мы нуждаемся». Тем не менее он видит обратную сторону: «Я думаю, справедливым будет сказать, что она мешала науке... она изменила души» [Skloot, 2006]. Б. Блумберг также обратил внимание на особую альтруистическую позицию Т. Славина (безвозмездное использование антител), которая поначалу не принесла ему прибыли, необходимой для собственного жизнеобеспечения. Прецедент Т. Славина обозначил альтруистический модус современной науки. В контексте разрушения «открытой», бескорыстной науки альтруистический модус науки не исчез полностью. Он приобрел другие формы: грантовой поддержки научных исследований благотворительными организациями, стремительного распространения идей открытой «гаражной», гражданской науки, появления «хакерспейсов», где происходит свободный обмен научными идеями, и т. д. Все эти явления, пока еще находясь на периферии современной науки, можно также рассматривать как социальные технологии, обеспечивающие уникальный контакт общества и его представителя – человека с улицы и эксперта-ученого. Можно ли эти формы организации науки считать рудиментарными в эпоху развитого капитализма? Возможно, именно они и будут представлять науку в ее истинном лице, станут предвестниками новых магистральных векторов развития научного знания, в контексте которых коммерциализация будет частным, не самым значимым аспектом.

Некоторые размышления этического характера

Рассмотренные выше казусы и тенденции порождены мировоззренческим противоречием между представлением о теле как личной *ценности* и теле как товаре, имеющем рыночную *цену*. Тело выступает и как первооснова личности, и как орудие и средство для реализации личной свободы. Тем самым человек оказывается в ситуации экзистенциального выбора между неотчуждаемостью телесности (и, следовательно, невозможностью ее использования в коммерческих целях) и обеспеченной правом возможностью его коммодификации. В этом экзистенциальном выборе отображаются глобальные противоречия между миром людей и миром вещей, миром познающих субъектов и людей как объектов познания, между миром творчески конструирующих субъектов и тех, кто оказывается объектами этого конструирования [Попова, 2012]. Тем самым человек сам себе оказывается противопоставлен как моральная ценность и как человек, биологические репрезентации которого можно оценить и выставить на продажу.

Развитие биотехнологий удваивает физический план человеческого бытия: человек, будучи смертным существом, становясь объектом их приложения, существенно продлевает определенные аспекты своего физического существования и даже становится потенциально бессмертным, пополняя биобанки, становясь основателем клеточных линий либо всего лишь присутствуя в теле другого человека в виде органа своего уже мертвого тела, являясь абстракцией, моделью, созданной средствами науки и ее прикладной мощью. Однако это бессмертие достигается путем овеществления человеческой идентичности: биотехнологии, конструируя из человеческого тела объекты исследования, конструируют артефакты, вещи, которыми можно манипулировать не только (а зачастую – и не столько) в целях науки или человека, сколько в финансовых интересах.

И в этой связи рассмотренные выше казусы стимулируют рефлексию над моральными практиками, затрагивающими такие этико-антропологические проблемы, как коммодификация тела, автономия личности, репродуктивные права женщины и т.д., в равной степени они позволяют заглянуть за ширму современных моральных преставлений, чтобы понять и прочувствовать риски еще более морально неоднозначных практик.

Список литературы

Бердышева, 2012 – *Бердышева Е.С.* От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // *Эконом. социология.* 2012. Т. 13. №. 1. С. 67–86.

Попова, 2015 – *Попова О.В.* Биотехнологическое конструирование искусственного-естественного: социальный контекст // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171.

Результаты. – <http://cbio.ru/page/47/id/5319/> – Результаты исследования генома клеточной линии HeLa будут опубликованы. URL: <http://cbio.ru/page/47/id/5319/> (дата обращения: 15.04.2016).

Склут, 2012 – *Склут Р.* Бессмертная жизнь Генриетты Лакс. М.: Карьера-пресс, 2012. 384 с.

Смирнова, 2013 – *Смирнова Ю.* «Банковское дело» как путь к персонифицированной медицине. С. 14–17. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/21579/> (дата обращения : 10.04.2016).

Тищенко, 2014 – *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФ РАН, 2001. 177 с.

Юдин Б.Г., 2004 – *Юдин Б.Г.* От утопии к науке: конструирование человека // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире / Под ред. Н.К. Удумян. М.: Наука, 2004 С. 261–281.

Goodwin, 2006 – *Goodwin M.* Black Markets: The Supply and Demand of Body Parts. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 312 p.

Goodwin, 2013 – *The Global Body Market. Altruisms Limits / Ed. by M. Goodwin.* Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 312 p.

Hogshire, 1992 – *Hogshire J.* Sell Yourself to Science: The Complete Guide to Selling Your Organs, Body Fluids, Bodily Functions and Being a Human. Guinea Pig Paperbac. 1992. 160 p.

Moore, 1990 – *Moore J.* Plaintiff and Appellant. URL: <http://www.kentlaw.edu/perritt/courses/property/moore-v-regents-excerpts2.htm> (дата обращения: 25.04.2016).

Nowotny, Testa, 2010 – *Nowotny H., Testa G.* Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. Cambridge (MA): MIT Press. 2010. 144 p.

Rabinov, 1996 – *Rabinov P.* Making PCR. A Story of Biotechnology. University of Chicago Press, 1996. 198 p.

Skloot, 2006 – *Skloot R.* Taking the Least of You // New York Times, 16.04.2006. URL: http://www.nytimes.com/2006/04/16/magazine/16tissue.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 20.04.2016).

References

Berdysheva Ye.S. Ot kritiki k analitike: kommodifikatsiya zhiznenno vazhnykh blag kak aktual'naya issledovatel'skaya problema v novoy ekonomicheskoy sotsiologii [From criticism to analytics: a commodification of the vital benefits as an actual research problem in new economic sociology]. *Economic sociology*, 2012, vol. 13, no. 1, pp. 67–86. (In Russian)

Goodwin M. (ed.) *The Global Body Market. Altruisms Limits.* Cambridge: Cambridge University Press. 240 p.

Goodwin M. *Black Markets: The Supply and Demand of Body Parts.* N.Y.: Cambridge Un. Press, 2006. 312 p.

Hogshire J. *Sell Yourself to Science: The Complete Guide to Selling Your Organs, Body Fluids, Bodily Functions and Being a Human.* Loompanics Unltd. 1992. 160 p.

Moore J. Plaintiff and Appellant, v. The Regents of the University of California et al., Defendants and Respondents [<http://www.kentlaw.edu/perritt/courses/property/moore-v-regents-excerpts2.htm>, accessed on 25.04.2016]

Nowotny H., Testa G. *Naked genes: Reinventing the human in the molecular age*. Cambridge, MA: MIT Press. 2010. 144 p.

Popova O.V. Biotekhnologicheskoye konstruirovaniye iskusstvennogo-yestestvennogo: sotsial'nyy kontekst [Biotechnological designing of the artificial and the natural: the social context]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2015, no. 2, pp. 161–171. (In Russian)

Rabinov P. *Making PCR. A Story of Biotechnology*. Chicago: University of Chicago Press, 1996. 198 p.

Rezul'taty issledovaniya genoma kletchnoy linii HeLa budut opublikovany [Results of the cell genome study of HeLa line will be published] [<http://cbio.ru/page/47/id/5319/>, accessed on 15.04.2016] (In Russian)

Skloot R. Taking the Least of You. *New York Times*, April 16, 2006 [http://www.nytimes.com/2006/04/16/magazine/16tissue.html?pagewanted=all&_r=0, accessed on 20.04.2016].

Sklut R. *Bessmertnaya zhizn' Genriyetty Laks* [The Immortal Life of Henrietta Lacks]. Moscow: Kar'era Press Publ., 2012, 384 p. (In Russian)

Smirnova Yu. “Bankovskoye delo” kak put' k personifitsirovannoy meditsine [“Bankin” as a path to personalized medicine]. [<http://www.nkj.ru/archive/articles/21579/>, accessed on 17.04.2016] (In Russian)

Tishchenko P.D. *Biovlast' v epokhu biotekhnologiy* [Biopower in the biotechnology era]. Moscow: IPh RAS Publ., 2001, 177 p. (In Russian)

Yudin B.G. Ot utopii k nauke: konstruirovaniye cheloveka [From Utopia to Science: designing human]. *Vyzov poznaniyu: Strategii razvitiya nauki v sovremennom mire*. Moscow: Nauka Publ., 2004, pp. 261–281. (In Russian)